

УСЛОВИЯ ТОРГОВЛИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Георгий ИДРИСОВ

кандидат экономических наук,
руководитель направления «Реальный сектор»,
Институт экономической политики
имени Е. Т. Гайдара
(125009, Москва, Газетный пер., д. 3—5).
E-mail: idrisov@iep.ru

Юрий ПОНОМАРЕВ

старший научный сотрудник ИПЭИ,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82).
E-mail: ponomarev@ranepa.ru

Сергей

СИНЕЛЬНИКОВ-МУРЫЛЕВ

доктор экономических наук, профессор, ректор,
Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития РФ
(119285, Москва, ул. Пудовкина, д. 4а).
E-mail: sinel@vavt.ru

Аннотация

В статье обсуждаются тенденции экономического развития России в конце 2014 — начале 2015 годов, а также основные механизмы влияния изменения условий торговли на экономическое развитие как для стран в исторической перспективе, так и с акцентом на изменениях, происходящих в рассматриваемый период в российской экономике. Авторы приходят к выводу, что в целях обеспечения устойчивого роста экономики и социальной стабильности требуется проведение структурных реформ, направленных на диверсификацию производства и экспорта, для снижения степени влияния изменчивости условий торговли на российскую экономику. В периоды нестабильности в реальном и финансовом секторах в структуре правительственных мер необходима не только компенсация экономическим агентам потерь от изменения условий торговли, но и структурное оздоровление экономики, развитие и повышение устойчивости работы финансовых рынков.

Ключевые слова: экономическое развитие, условия торговли, ВВП, ВВД.

JEL: E60, O11, O40.

Ойковоча • Політика

OIKONOMIA • POLITIKA

Т е о р и я

1. Изменчивость условий торговли и экономическое развитие

Условия торговли¹ всегда были важнейшим детерминантом экономического развития². С появлением в XX веке современных систем статистических наблюдений эти закономерности стали предметом многих углубленных исследований [Basu, McLeod, 1991; Mendoza, 1997; Bleaney, Greenaway, 2001; Bernstein, 2009]. Так, высокие темпы роста мировых цен на основные экспортируемые Канадой товары (цветные металлы, зерно) в 1940—1970-х годах обусловили ее экономический подъем [Baldwin, Macdonald, 2012], в то же время падение цен на кофе в 1930-х годах считается одной из важнейших причин кризисных явлений в экономике Бразилии,

* Авторы выражают благодарность Дробышевскому С. М. за плодотворное обсуждение настоящей статьи.

¹ Условия торговли представляют собой соотношение цен экспортируемой и импортируемой страной продукции. В упрощенном случае, если страна экспортирует один товар и импортирует другой, условия торговли представляют собой простое отношение цен экспортируемой и импортируемой продукции. В модели с множеством стран — торговых партнеров и, соответственно, экспортируемых и импортируемых товаров условия торговли для рассматриваемой страны описываются отношением удельных стоимостей единицы экспорта и импорта (см., например: [Obstfeld et al., 1996]).

² См.: [Кембриджская экономическая история, 2013а, 2013б; Бернштейн, 2014].

на преодоление которых потребовалось практически целое десятилетие [Baer, 2001]. Улучшение условий торговли Австралии в различные периоды (в 1922—1925 годах рост цен на шерсть и зерновые культуры; в 1944—1951 годах — рост цен на шерсть и сельскохозяйственные товары; в 2004—2011 годах — рост цен на железную руду и уголь) каждый раз приводило к экономическому подъему в стране и позволяло добиваться впечатляющих показателей роста [Atkin et al., 2014].

При этом даже если само по себе изменение условий торговли не лежит в основе улучшения и ухудшения страновой макродинамики, оно относится к важнейшим внешним факторам, вызывающим ускорение трансформационных сдвигов в отраслевой структуре и изменение хода политических и институциональных реформ. Так, падение мировых цен на нефть в начале — середине 1980-х годов в значительной мере послужило «спусковым крючком» произошедших далее в СССР событий³, а последовательное ухудшение условий торговли для Китая на протяжении 1990—2010-х годов вынуждает искать новую модель его экономического роста, в большей степени ориентированную на внутренний рынок, чем на экспорт [Синельников, 1995; Гайдар, 2006; Xu-lei, 2007].

Основной механизм столь существенного влияния условий торговли на уровень и динамику экономического развития стран лежит в первую очередь в производственной плоскости. Как наглядно проиллюстрировано во многих классических академических исследованиях [Mundell, 1957; Markusen, 1983; Kohli, 2004], условия торговли являются количественной характеристикой производственной технологии, которую условно можно назвать «международной торговлей», и определяют количество товаров и услуг, которые национальная экономика может приобрести (импортировать) в обмен на поставляемые (экспортируемые) товары и услуги. Другими словами, условия торговли, подобно традиционным технологиям в реальном секторе, количественно детерминируют возможности трансформации одних благ в другие. В последние два столетия такая производственная роль международной торговли только возрастала. Этому способствовали как существенное повышение открытости экономик большинства стран мира, а также рост скорости распространения и глубины информации о зарубежных рынках, так и снижение транспортных издержек торговли в результате технологического развития (включая их беспрецедентное снижение после изобретения парового двигателя), снижение институциональных издержек и барьеров [Harrison, 1996]. Важным обстоятельством является и то, что производственные характеристики торговли существенно эволюционировали — от торговли конечным продуктом, полностью произведенным на национальной территории, до торговли добавленной стоимостью и интенсивного встраивания производителей

³ При этом важно отметить, что одной из главных причин экономических проблем СССР в 1980-х годах, как и прежде, был недостаточный уровень компетенции советского руководства в экономических вопросах (см.: [Гайдар, 2006]).

в глобально распределенные цепочки создания добавленной стоимости, что привело к быстрому повышению роли иностранных товаров в отечественном потреблении [Bernard et al., 2007].

2. Измерение экономических результатов: ВВП и ВВД

Уровень экономического развития той или иной страны, будучи содержательно очень широким понятием, в экономической литературе, как правило, измеряется с помощью показателей экономического роста⁴ — в первую очередь реального валового внутреннего продукта (далее — реальный ВВП). Реальный ВВП (или ВВП в ценах определенного периода) на практике представляет собой некоторую меру физического объема производства экономикой товаров и услуг. Например, сравнение реального ВВП для одной страны в различные моменты времени характеризует изменение производства товаров и услуг «в физических единицах» (условно говоря, в «тоннах продукта» или в «штуках изделий»), при этом отдельные компоненты изменения физического объема выпуска взвешиваются с некоторыми весами, определяемыми стоимостной структурой производства в базовый период. Аналогичным образом, для сопоставления реального ВВП двух стран необходимо зафиксировать некоторый сравнительный базис цен (например, цены по паритету покупательной способности⁵) и оценить количественный выпуск той и другой экономики. В результате относительной простоты измерения реальный ВВП и реальный ВВП на душу населения получили широкое практическое распространение в качестве измерителей уровня экономического развития. В то же время очевидно, что они не позволяют учесть такие характеристики экономического развития, как рост потребления, снижение бедности, уменьшение социальной поляризации в обществе, достижение социальной справедливости, снижение волатильности влияния внешних и внутренних шоков на благосостояние индивидуумов [Arrow et al., 2010; World Bank, 2013].

Факторы, способствующие экономическому росту, представлены в академической литературе чрезвычайно широко⁶. К основным из них можно отнести обеспеченность страны факторами производства, трудом и капиталом [Helpman, 2004], показатели уровня развития институтов [Acemoglu et al., 2001; Mauro, 1995], демографические по-

⁴ Понятия уровня экономического развития и экономического роста, как правило, разделяют между собой. Экономическое развитие характеризуется тесной и комплексной связью с благосостоянием общества, социальной справедливостью, уровнем бедности, социальной поляризацией в обществе, эффективностью работы общественных институтов, в то время как под экономическим ростом обычно понимают темп роста ВВП [Helpman, 2004; Идрисов, Синельников-Мурылев, 2013].

⁵ Гипотеза паритета покупательной способности (далее — ППС) является одной из базовых концепций, определяющих соотношения цен на международном уровне, согласно которой на одну и ту же денежную сумму, пересчитанную в различные валюты по текущему обменному курсу, в соответствующих странах можно приобрести одинаковое количество товаров и услуг при отсутствии транспортных и иных видов трансакционных издержек [Taylor, 2003].

⁶ См.: [Идрисов, Синельников-Мурылев, 2014].

казатели и характеристики населения [Murphy et al., 1991], уровень образования населения [Barro, 1991; Krueger, Lindahl, 2000], показатели развития финансового сектора экономики [Beck, Levine, 2004; Roubini, Sala-i-Martin, 1992], характеристики географического положения [Bloom et al., 2003], показатели деятельности государственного сектора [Barro, 1991; Sala-i-Martin, 1997], показатели социального капитала [Temple, Johnson, 1998] и многие другие. Изменение условий торговли также является важнейшим детерминантом роста реального ВВП [Rodrik, 2006]. В работах [Barro, Sala-i-Martin, 1995; Fisher, 1993] показано, что, несмотря на высокую степень влияния на экономический рост индивидуальных характеристик страны (авторами рассматривались такие показатели, как уровень государственных расходов, уровень развития человеческого капитала, политическая нестабильность в экономике и другие), вклад изменения условий торговли играет здесь ключевую роль (см. также: [Jawaid, Waheed, 2011; Feenstra et al., 2013])⁷.

Механизмы влияния изменения торговой конъюнктуры на реальный ВВП и на экономическое развитие в целом существенно различаются по своей природе: реальный ВВП рассчитывается при зафиксированном векторе цен, сложившихся в определенный момент, в то время как изменение условий торговли подразумевает само изменение относительных цен. Другими словами, в отличие от производственного аспекта влияния условий торговли на экономическое развитие, их влияние на темп роста реального ВВП проявляется в долгосрочной перспективе через изменение стимулов к производству товаров, относительные цены на которые изменяются, а в краткосрочной перспективе при наличии незадействованных и конкурентоспособных по отношению к импорту производственных мощностей (или незадействованных мощностей в неторгуемом секторе) — через рост внутреннего спроса⁸. При этом в отсутствие конкурентоспособных незадействованных производственных мощностей рост доходов приведет к росту сбережений или импорта, и в краткосрочной перспективе улучшение условий торговли либо вообще не отразится на показателе реального ВВП, либо в отдельных случаях может даже привести к его снижению⁹ при прочих равных условиях.

Сказанное подтверждает тот факт, что показатель реального ВВП фокусируется только на «штучном», количественном выпуске экономики и зачастую недооценивает возможности ее развития от получе-

⁷ Все выделяемые факторы, как правило, не могут полностью объяснить различия в уровне экономического роста или в его темпах для одной страны либо между странами; очень большую необъясненную часть так или иначе приходится ассоциировать с различиями в уровне совокупной факторной производительности [Helpman, 2004].

⁸ Важно отметить, что если изменение условий торговли рассматривается экономическими агентами как временное, то может произойти изменение сбережений, а не потребления.

⁹ В тех случаях, когда показатель реального ВВП рассчитывается в виде индекса Ласпейреса, улучшение условий торговли страны будет приводить к снижению относительных цен импортной продукции, что, в свою очередь, при жестких ценах на другую продукцию приведет к повышению дефлятора ВВП и, соответственно, к снижению реального ВВП. См., например, подробнее работу: [Kohli, 2004].

ния дополнительных доходов при улучшении условий торговли. Важно отметить, что существенное влияние на ход рассмотренных процессов оказывает режим обменного курса национальной валюты: в случае свободного плавания при улучшении условий торговли, как правило, происходит укрепление национальной валюты — что влечет за собой снижение конкурентоспособности всех национальных производителей (не только экспорториентированных), а при ухудшении — ослабление валюты и рост конкурентоспособности. Это дополнительно влияет на ВВП в кратко- или долгосрочной перспективе. В случае фиксированного или квазификсированного курса изменение условий торговли вынуждает центральный банк проводить те или иные интервенции (увеличение денежной массы, ее стерилизация, изменение золотовалютных резервов), что приводит к изменениям реального валютного курса и к эффектам, аналогичным вызываемым изменениями номинального валютного курса.

Помимо реального ВВП важнейшим количественным измерителем уровня экономического развития является также показатель реального валового внутреннего дохода¹⁰ (далее — реальный ВВД), который отражает реальные возможности экономики с точки зрения потребления и сбережений. Следует отметить, что в номинальных величинах показатели ВВП и ВВД должны совпадать (по статистической методике построения), поскольку являются мерами «объема экономики», рассчитываемыми либо со стороны производства, либо со стороны доходов¹¹. В реальных величинах основное расхождение ВВП и ВВД проявляется в ценовых дефляторах — дефлятор ВВД рассчитывается по корзине потребления, то есть учитывает цены импортируемых товаров и не учитывает цены экспортированных товаров, в то время как дефлятор ВВП рассчитывается по корзине произведенных товаров¹². Таким образом, в закрытой экономике оба показателя всегда совпадают.

¹⁰ ВВД (Gross Domestic Income) — мера экономической активности, отражающая сумму всех доходов, полученных при производстве товаров и услуг на территории страны за определенный период [Bartelsman, Beaulieu, 2007]. Реальный ВВД равен сумме ВВП в постоянных ценах какого-либо года и положительного (или отрицательного) вклада изменений условий торговли в формирование доходов (см.: The OECD Glossary of Statistical Terms, <http://esa.un.org/unsd/sna1993/introduction.asp>).

¹¹ Различия в номинальных показателях, как правило, возникают как следствие различных методологий расчета: ВВП описывает сторону «расходов», а ВВД — сторону «доходов». Тем не менее в российской и мировой статистической практике оба этих подхода являются способами расчета ВВП. При этом метод расчета ВВП по источникам доходов, будучи одним из трех способов расчета ВВП, но не основным, используется Росстатом только для анализа стоимостной структуры ВВП, а не для определения его номинального объема или динамики, поскольку не все показатели доходов получают путем прямого счета, часть из них исчисляется балансовым методом (см.: [Kohli, 2004]; Росстат. Методологические положения по статистике. http://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d000/i000320r.htm).

¹² Следует отметить, что описанное расхождение является в определенной степени интерпретацией различий между показателями реального ВВП и ВВД, которая позволила бы отразить механизм влияния изменений условий торговли. При этом дефлятор ВВП рассчитывается как частное показателей номинального ВВП и реального (в постоянных ценах соответствующего года) ВВП. То есть в определенном смысле показатель дефлятора вторичен по отношению к номинальным и реальным показателям ВВП. См.: Росстат. Методология расчета индексов макроэкономических показателей. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/met-dop.doc.

В отличие от реального ВВП, который представляет собой некоторую меру физического объема производства экономики, реальный ВВД отражает реальную покупательную способность доходов экономических агентов. Для того чтобы проводить сопоставления по ВВД во времени (для одной страны) и в пространстве (для различных стран), также нужно зафиксировать некоторый базисный вектор цен, в котором будет проводиться агрегирование «штучного» изменения потребления экономики.

Изменение условий торговли уже в краткосрочной перспективе оказывает сильное влияние на реальный ВВД — изменение относительной стоимости экспорта по сравнению с импортом, например в случае улучшения условий торговли, приводит к росту покупательной способности отечественных экономических агентов за счет роста доходов от внешнеторговой деятельности. При неизменной структуре торгового баланса страна может позволить себе экспортировать меньше, импортируя то же количество товаров и услуг, либо, наоборот, импортировать больше при неизменном объеме экспорта. Это рост так называемого вклада условий торговли в реальном выражении, что, в свою очередь, приводит к росту ВВД как в номинальном, так и в реальном выражении.

В долгосрочном периоде изменение условий торговли будет сопровождаться изменением внутренних цен (в первую очередь вследствие выполнения закона единой цены для торгуемых товаров и соответствующего переноса в цены неторгуемых), которое будет происходить по-разному в случае фиксированного или плавающего обменного курса. Однако рассчитанный в мировых ценах ВВД в результате улучшения/ухудшения условий торговли вырастает/падает в реальном выражении.

При этом для количественной и качественной оценки изменения экономического развития страны, ее богатства или благосостояния анализ динамики реального ВВД намного более плодотворен, чем анализ темпов экономического роста, то есть реального ВВП [Mendoza, 1997; Vleaney, Greenaway, 2001; Kohli, 2004]. Он показывает то, насколько изменяются возможности экономики в плане потребления и сбережения (в определенном смысле отложенного потребления), а не то, насколько больше произведено товаров в физическом выражении.

Многие американские и европейские статистические агентства в обзорах развития экономики проводят совместный анализ показателей реального ВВП и ВВД. При этом часто анализируется ситуация с разнонаправленной динамикой данных показателей [Kohli, 2006; Nalewaik, 2012]. Например, в случае ухудшения условий торговли ситуация может интерпретироваться практически дословно следующим образом: наша экономика теперь производит больше (вырос реальный ВВП), но мы стали беднее (упал реальный ВВД), потому что наш выпуск в мировых ценах теперь ценится меньше [Kohli,

2004]¹³. Показатель реального ВВД, как правило, включается в число переменных, по которым Национальное бюро экономических исследований датирует бизнес-циклы в США¹⁴.

В дополнение к приведенным выше показателям для измерения уровня экономического развития часто используется ВВП по ППС в номинальном выражении, который по смыслу (но не по значению) представляет собой некоторый промежуточный показатель между реальным ВВП и реальным ВВД. ВВП по ППС в текущих ценах, с одной стороны, одновременно показывает и то, насколько выбранная страна производит больше товаров в физическом выражении, чем производила раньше, и насколько производимая корзина товаров стоит больше в терминах сложившихся условий торговли. С другой стороны, уровень ВВП по ППС сопоставим между странами (поскольку, как правило, используется одинаковый вектор цен ППС), то есть показывает, насколько корзина товаров, производимая одной страной на душу населения, стоит дороже, чем аналогичная корзина товаров другой страны.

Т а б л и ц а 1

Средние за период темпы роста реального ВВП,
реального ВВД и ВВП по ППС на душу населения в ценах соответствующих лет (% в год)*

Страна	1994—1997	1998	1999—2008	2009	2010—2013
<i>Средний темп роста реального ВВП (в долл. 2005 года)**</i>					
Австралия	3,92	4,43	4,46	1,73	2,63
Канада	2,89	4,14	3,58	-2,71	2,41
Франция	1,94	3,56	2,56	-2,94	1,16
Германия	1,43	1,97	1,98	-5,64	2,02
Япония	2,05	-2,00	1,36	-5,53	1,88
Южная Корея	7,29	-5,71	7,11	0,71	3,85
Норвегия	4,89	2,68	2,67	-1,63	1,34
Великобритания	2,58	3,51	3,36	-4,31	1,49
США	3,66	4,45	3,22	-2,80	2,17
Бразилия	3,31	0,04	4,22	-0,33	3,42
Китай	10,07	7,83	12,80	9,21	8,76
Индия	6,38	6,18	8,71	8,48	6,64
Армения	5,35	7,30	13,11	-14,15	4,38
Белоруссия	0,86	8,40	9,51	0,20	3,94
Казахстан	-2,10	-1,90	10,97	1,20	6,45
Россия	-2,15	-5,30	8,69	-7,82	3,37

¹³ Дополнительные интерпретации динамики ВВП и ВВД в экономике США см. на сайте Бюро экономического анализа Министерства торговли США. <https://www.bea.gov/newsreleases/national/gdp/gdpnewsrelease.htm>, http://www.bea.gov/scb/pdf/2014/08%20August/0814_revisions_to_gdp_gdi_and_their_major_components.pdf.

¹⁴ См. официальные комментарии NBER. http://www.nber.org/cycles/recessions_faq.html, <http://www.nber.org/cycles/sept2010.html>.

О к о н ч а н и е т а б л и ц ы 1

Страна	1994—1997	1998	1999—2008	2009	2010—2013
<i>Средний темп роста реального ВВД (в национальной валюте базисного года)</i>					
Австралия	3,90	4,34	5,28	3,05	2,84
Канада	3,05	2,52	4,65	−5,79	3,00
Франция	1,83	3,90	2,44	−2,30	0,97
Германия	1,41	2,47	1,74	−3,83	1,58
Япония	1,79	−1,51	0,65	−3,49	1,22
Корея	6,91	−4,84	5,59	2,48	3,49
Норвегия	5,42	−0,31	6,56	−9,48	2,92
Великобритания	2,68	3,63	3,30	−3,86	1,53
США	3,73	4,78	3,05	−2,19	2,12
Бразилия	3,50	−0,12	4,30	−0,67	3,98
Китай	10,12	7,42	12,29	12,70	7,86
Индия	6,32	6,77	8,51	7,87	6,86
Армения	5,36	7,28	12,85	−16,16	3,29
Белоруссия	−1,01	14,20	11,99	−6,84	8,51
Казахстан	−6,09	−3,55	12,51	−12,82	10,67
Россия	−2,77	−8,01	14,39	−24,29	8,40
<i>Средний темп роста номинального ВВП по ППС на душу населения (международные доллары текущего года)</i>					
Австралия	4,47	6,06	5,58	7,24	2,01
Канада	3,80	4,59	5,52	−3,40	2,79
Франция	3,75	4,95	5,24	−0,58	2,03
Германия	2,75	2,81	5,58	−3,06	4,56
Япония	3,65	−1,19	4,10	−4,75	3,31
Южная Корея	8,25	−5,38	8,70	−0,83	3,86
Норвегия	7,87	−1,91	10,59	−9,85	4,31
Великобритания	5,95	3,13	5,57	−3,52	1,36
США	4,36	4,36	4,92	−2,89	3,07
Бразилия	3,65	−0,40	5,59	−0,44	4,21
Китай	10,97	7,96	15,14	9,53	10,01
Индия	6,44	5,49	9,74	7,91	7,03
Армения	9,04	9,32	17,04	−13,20	6,02
Белоруссия	3,13	10,10	13,46	1,21	5,76
Казахстан	1,36	0,89	13,63	−0,66	6,66
Россия	−0,23	−4,16	17,80	−3,89	5,47

* Сопоставимая страновая статистика Всемирного банка за 2014 год на момент подготовки статьи, к сожалению, была недоступна.

** Темп роста реального ВВП, публикуемый Всемирным банком, в точности соответствует официальным данным Росстата.

Источник: рассчитано авторами по данным Всемирного банка.

Совместная интерпретация динамики трех измерителей уровня экономического развития и детерминантов долгосрочного экономического развития — сложная задача, подходы к которой очень специфичны для каждой страны (для России некоторые соображения будут представлены ниже). Например, в Австралии замедление роста реального ВВД в 1999—2013 годах было не таким быстрым¹⁵, как снижение реального ВВП. Это связано в первую очередь с улучшением условий торговли (в 2004—2011 годах наблюдался рост цен на железную руду и уголь, экспортируемые Австралией). В Китае среднегодовые темпы роста ВВП и ВВД в 1994—2008 годах были практически одинаковыми, но в посткризисном 2009 году рост реального ВВП замедлился (с 12,8% в среднем в 1999—2008 годах до 9,21% в 2009 году) — в отличие от реального ВВД, по которому наблюдалось даже незначительное ускорение роста (с 12,3% в среднем в 1999—2008 годах до 12,7% в 2009 году), ассоциируемое с улучшением условий торговли. Тем не менее последовавшее за этим изменение структуры внешней торговли Китая (смещение импорта в сторону полезных ископаемых и других ресурсов, мировые цены на которые росли, а экспорта — в сторону машин и оборудования, рынки которых характеризуются высокой степенью конкуренции и относительным снижением цен на продукцию) привело к ухудшению условий торговли [Ahuja et al., 2012] и, соответственно, к замедлению в 2010—2013 годах роста реального ВВД, даже более существенному, чем у реального ВВП (до 7,9 и 8,8% соответственно). В то же время в странах — экспортерах энергоресурсов (Канада, Норвегия, Казахстан и Россия) падение реального ВВД в 2009 году по сравнению с реальным ВВП было куда более значительным, чем в других странах, опять же в результате того, что условия торговли для этих стран ухудшились очень существенно.

Следует еще раз подчеркнуть, что акцентирование экономической политики исключительно на показателе реального ВВП в немалой степени сужает взгляд на складывающуюся обстановку и может приводить к неверному пониманию текущей экономической ситуации и мер, необходимых для ее стабилизации. Простой статистический анализ показывает, что кризис 1998 года, как и 2008—2009 годов, Россия прошла с существенно бóльшим снижением реальных доходов (то есть потребления и сбережений), чем со снижением реального выпуска. Глубину отрицательного влияния условий торговли на экономическое развитие России в 2009 году характеризует не только более существенное падение ВВП (на 7,8% против 5,3% в 1998 году), но и падение ВВД — на 24,3% против 8,0% в 1998 году. Столь значительное падение реальных доходов экономики в целом было компенсировано средствами Резервного фонда, вот почему ни в реальных располагаемых доходах населения, ни в реальном потреблении част-

¹⁵ Темпы роста ВВД снижались с 5,28% в среднем в год в 1999—2008 годах до 3,05% в 2009 году и до 2,84% в 2010—2013 годах.

ного или государственного секторов не наблюдалось столь сильного снижения. В результате если в ситуации восстановительного роста после 1998 года, при большом резерве незадействованных производственных мощностей, не просто благоприятные, а постоянно улучшающиеся условия торговли являлись важнейшим локомотивом роста ВВП и ВВД, то после 2009—2010 годов, при падении ВВД почти на четверть (скомпенсированном расходованием средств Резервного фонда) и ВВП на 7,8%, отсутствие дальнейшего перманентного улучшения условий торговли привело к исчерпанию внешних источников роста [Идрисов, Синельников-Мурылев, 2014].

3. Экономические кризисы в России и измерители экономической динамики

После продолжительного улучшения условий торговли в 2000-х годах российская экономика переживает в настоящее время их резкое ухудшение. Индекс условий торговли России с зарубежными странами в 2014 году в среднем за год снизился на 8,8% по сравнению с 2013 годом, при этом ухудшение условий торговли в IV квартале 2014 года по сравнению с соответствующим периодом 2013 года составило около 30% [Банк России, 2014а]. Это было вызвано падением мировых цен на основные экспортируемые российские товары при росте цен импорта (в III—IV квартале 2014 года по сравнению с соответствующим периодом 2013 года на 5—7% [Банк России, 2014а]), обусловленным в первую очередь введением Россией продовольственных санкций.

Значимое ухудшение условий торговли привело к уменьшению их «традиционно» высокого в 2000-х годах вклада в российское экономическое развитие, что не в полной мере улавливается реальным ВВП, который в подобных ситуациях недооценивает изменение возможностей экономических агентов по потреблению и сбережению. В частности, прирост реального ВВП в 2014 году, по первым оценкам Росстата, составил 0,56%, в то время как реальный ВВД в 2014 году снизился в среднем за год на 1,85% по сравнению с 2013 годом.

Схожая ситуация наблюдалась и в период финансово-экономического кризиса 2008—2009 годов (табл. 2). Несмотря на многочисленные заявления российских чиновников и экономистов о том, что кризис обошел Россию стороной, сохранив ее «тихой гаванью»¹⁶, реальное падение доходов, составившее в 2009 году 24,3% по сравнению с 2008 годом, было намного более глубоким, нежели замедление роста экономики, описываемое реальным ВВП (7,8% по сравнению с 2008 годом). Сказанное означает, что во время кризисов, связан-

¹⁶ См. интервью В. В. Путина, <http://www.ntv.ru/novosti/140177/>; Давосский имидж: Россия представит мировому бизнесу преемственность экономического курса // Российская газета. 2008. 20 января.

**Динамика показателей экономического роста
и внешней торговли в России в кризисные периоды**

	1998	1999	2000	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Индекс условий торговли России (2000 = 100%)	–	–	100,0	241,9	179,8	203,9	245,7	250,0	244,8	223,3
Цена на нефть марки <i>Brent</i> (долл./барр.)	12,8	17,9	28,7	96,9	61,7	79,6	111,3	111,6	108,6	99,0
Изменения реального ВВП (% к предыдущему году)	94,7	106,4	110,0	105,2	92,2	104,5	104,3	103,4	101,3	100,6
Изменения реального ВВД (% к предыдущему году)	92,0	104,6	124,0	113,6	75,7	115,8	115,9	104,4	98,5	98,1
Изменение ВВП по ППС (% к предыдущему периоду; в международных долл. соответствующих лет)	95,7	108,0	114,9	121,1	96,2	105,8	110,2	106,9	105,1	–

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного банка.

ных с существенным ухудшением условий торговли, при российской структуре экономики показатель реального ВВП значительно занижает глубину экономического падения. При этом в посткризисный период 2010—2013 годов восстановление реального ВВД опережало восстановление реального ВВП — 8,4 и 3,4% (см. табл. 1), как в результате улучшения условий торговли, так и вследствие низкой базы реального ВВД, до которой он опустился в результате кризиса. При этом номинальный ВВП по ППС рос в этот период средними темпами 7,0% в год, что выше, чем в среднем по развитым странам, но ниже, чем в среднем по развивающимся.

В такой ситуации использование реального ВВП в качестве целевого ориентира для экономической политики приводит к тому, что государство, с одной стороны, борется за увеличение производства продукции в физических единицах, которая может иметь меньшую, чем ранее, ценность для мировой экономики, а с другой стороны, обращает недостаточное внимание на снизившиеся объемы реального потребления, сбережений и инвестиций, которые формируют условия для текущего и будущего экономического развития. Табл. 2 показывает, что начиная с 2013 года (за счет снижения долларовых экспортных цен на нефть, нефтепродукты, газ, продукцию черной и цветной металлургии) в России падал реальный ВВД, в то время как реальный ВВП хотя и увеличивался, но замедляющимися темпами. Оглядываясь назад, мы понимаем, что степень восстановления экономики после кризиса 2008—2009 годов была у нас в определенной мере преувеличена по причине того, что основной характеристикой экономического развития был выбран рост физического объема ВВП.

Несмотря на то что российская экономика в 2013—2014 годах наращивала объем производства в физическом выражении, она становилась беднее в терминах потребления и сбережений.

Как отмечалось выше, Росстат, к сожалению, не считает реальный ВВД, однако для косвенного представления об изменении реальных доходов можно использовать статистику реальных расходов, представленных в табл. 3. Анализ структуры использования ВВП в реальном выражении показывает негативные тенденции как в 2009 году, когда расходы на конечное потребление снизились на 3,9%, а валовое накопление упало на 41%¹⁷, так и в 2013 году, когда темпы роста расходов на конечное потребление снизились на 2,5 п.п., расходов на государственное управление — на 1,5 п.п., а валовое накопление и вовсе упало на 7,1%¹⁸. При этом в ситуации 2009 года дефицит бюджета составил 5,9% ВВП, а объем Резервного фонда уменьшился с 9,8% ВВП (по состоянию на 01.01.2009 г.) до 4,7% ВВП (по состоянию на 01.01.2010 г.), что компенсировало падение реальных доходов домохозяйств и госсектора в результате финансово-экономического кризиса, оставив их реальное потребление практически неизменным. Важно отметить, что аналогично показателю реального ВВД с 2013 года начало снижаться реальное валовое накопление (–7,1% в 2013 году), что отражает сокращение реальных доходов частного сектора, доступных для инвестиций в будущий экономический рост.

Т а б л и ц а 3

**Динамика показателей физического объема использования ВВП в России
в кризисные периоды (% к предыдущему периоду)**

	1998	1999	2000	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Индекс физического объема использования ВВП	94,7	106,4	110,0	105,2	92,2	104,5	104,3	103,4	101,3	100,6
расходы на конечное потребление	97,9	98,8	105,6	108,6	96,1	103,5	105,3	106,4	103,9	100,9
домашние хозяйства	96,6	97,1	107,3	110,6	94,9	105,5	106,8	107,8	105,0	101,3
государственное управление	101,0	103,1	102,0	103,4	99,4	98,5	101,4	102,6	101,1	99,9
валовое накопление	54,8	93,4	175,2	110,5	59,0	128,5	121,0	103,1	92,9	92,7

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.

¹⁷ При этом столь существенное падение валового накопления в 2008—2009 годах сопровождалось значительным снижением его доли в общем объеме ВВП — с 25,5% в 2008 году до 16,3% в 2009 году, в то время как доля расходов на конечное потребление в общем объеме ВВП даже несколько выросла — с 66,7% в 2008 году до 69,5% в 2009 году (как в целом, так и по отдельности для домашних хозяйств (48,4% в 2008 году и 49,9% в 2009 году) и государственного управления (17,8% в 2008 году и 19,2% в 2009 году)).

¹⁸ В 2013—2014 годах наблюдалась схожая с 2008—2009 годами динамика доли валового накопления в ВВП, а именно ее относительное снижение (с 21,3% в 2013 году до 19,6% в 2014 году) при сохранении относительной доли расходов на конечное потребление в ВВП (73,4% — в 2013 году и 73,6% — в 2014 году).

Более четкое осознание негативной динамики российской экономики на протяжении 2013—2014 годов с точки зрения не производства товаров «в штуках», а реальной покупательной способности доходов и реальных расходов экономических агентов могло бы способствовать более последовательному осуществлению мер, аналогичных «Плану первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности»¹⁹ и направленных на диверсификацию российских производства и экспорта.

4. Механизмы падения реального ВВП и ВВД в результате ухудшения условий торговли, введения санкций и девальвации рубля в конце 2014 года

В текущих макроэкономических условиях ухудшение торговой конъюнктуры является важным, но не единственным фактором замедления экономического развития в России, поэтому разработка мер экономической политики требует подробного анализа факторов и механизмов ухудшения макроэкономической ситуации. В этих целях осуществим разложение фактических темпов экономического роста на структурную и циклическую составляющие²⁰.

За последние пятнадцать лет произошло снижение структурных темпов роста российской экономики с 4—5% до 0,5—1,0% в год [Казакова, 2015]. Это вызвано снижением темпов вовлечения труда и капитала в производство товаров и услуг и уменьшением темпов роста эффективности их использования. Такое снижение произошло вследствие ухудшения (отсутствия улучшений) бизнес-климата в РФ, включая правовые (законодательство, судебная и правоохранительная система), социальные (образование, здравоохранение), финансовые (бюджет, налоговое, таможенное администрирование, банковская система, страхование), инфраструктурные условия. Все эти институты

¹⁹ Утвержден Распоряжением Правительства РФ от 27.01.2015 г. № 98-р «Об утверждении плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году».

²⁰ См.: [Дробышевский и др., 2014; Дробышевский, Казакова, 2015; Казакова, 2015]. С учетом высокой зависимости российской экономики от конъюнктуры мировых рынков сырья и энергоносителей к составляющим такого разложения целесообразно добавить компоненту роста, определяемую условиями внешней торговли. При таком подходе фактические темпы экономического роста можно условно разложить на три составляющие: (1) структурная компонента — это теоретически возможные темпы экономического роста в средней фазе бизнес-цикла и при среднемноголетних ценах на нефть, то есть темпы роста, обусловленные вовлечением в производство дополнительного труда и капитала и увеличением эффективности их использования; (2) внешнеторговая компонента — это темпы экономического роста, объясняемые условиями внешней торговли и обусловленные отклонениями фактической цены на нефть от своего среднего за длительный временной промежуток уровня, которые приводят к трансферту дохода в (из) национальную экономику, доступному для расходования на отечественные и иностранные товары потребительского и производственного (в том числе инвестиционно-го) характера, — дополнительные доходы, формируемые из-за изменений условий торговли; (3) конъюнктурная (циклическая) компонента — это темпы экономического роста, объясняемые случайными (непредсказуемыми) шоками российской экономики и бизнес-циклом — колебаниями экономической активности в ответ на внутренние и внешние импульсы (изменения).

в рассматриваемый период или ухудшались (государственное управление, правоохранительная и судебная системы), или происходящие в них улучшения резко отставали от быстро возрастающих потребностей общества (налоговое администрирование, дорожная инфраструктура). Замедление долгосрочных темпов роста резко повысило уязвимость российской экономики перед происходящими шоковыми и циклическими краткосрочными конъюнктурными изменениями (внешними и внутренними).

Наряду с замедлением структурных темпов роста в 2014 году дополнительно произошли два серьезных изменения:

- изменение геополитической ситуации в связи с событиями в Республике Крым и на Украине, вызвавшее введение финансовых и технологических санкций ряда стран в отношении России и введение ответных продовольственных санкций²¹ и усилившее риски ведения экономической деятельности вследствие повышения неопределенности будущей внешней и внутренней экономической политики;
- ухудшение условий торговли (падение цен на нефть и на ряд экспортных российских товаров, рост цен на импорт в результате продовольственных санкций), приведшее совместно с финансовыми санкциями и ростом неопределенности к стремительному падению курса рубля.

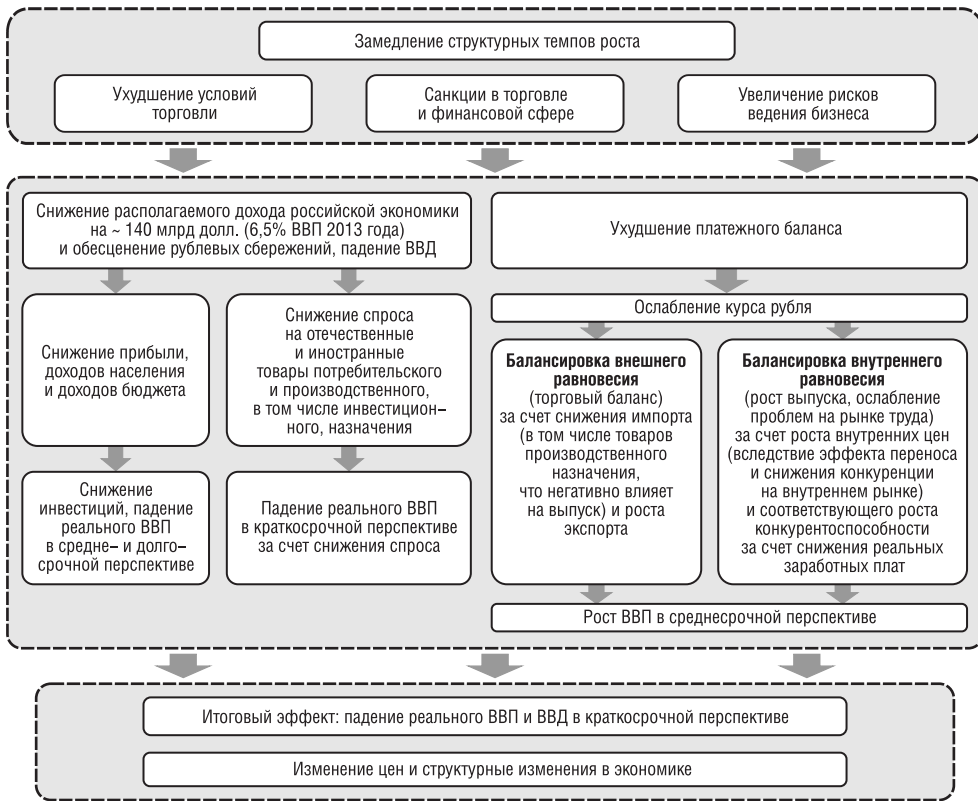
Таким образом, усложнение геополитической ситуации и ухудшение условий торговли в условиях резкого замедления структурных темпов экономического роста послужили непосредственной причиной развития турбулентности в финансовой сфере и негативной динамики реального сектора.

Рассмотрим механизмы влияния указанных изменений на экономическую ситуацию в России (рис. 1). Первый из них связан со снижением располагаемого дохода экономики (в том числе за счет изменения условий торговли), а второй — с балансировкой текущего и капитального сальдо платежного баланса.

Влияние снижения располагаемых доходов на макроэкономическую ситуацию

Ухудшение условий торговли из-за падения цен на нефть привело к сокращению частного и государственного располагаемого (то есть валового внутреннего) дохода в РФ (по нашим оценкам, снижение цены на нефть со 100 до 50 долл. за баррель привело к потерям в размере примерно 140—150 млрд долл.). При этом важно отметить, что по состоянию на январь-февраль 2015 года ослабление рубля практически компенсировало рублевое падение совокупных экспортных доходов, оставив их на почти неизменном уровне (в период с декабря

²¹ Анализ международного опыта и последствий применения торгово-экономических санкций см. в: [Идрисова и др., 2015].

Источник: составлено авторами.

Рис. 1. Механизмы ухудшения макроэкономической ситуации в России

2013 года — января 2014 года по декабрь 2014 года двукратное падение цены на нефть сопровождалось примерно двукратным ослаблением курса). Однако быстрая реакция экономических агентов на девальвацию, проявившаяся в улучшении показателей платежного баланса, привела в начале 2015 года к номинальному укреплению рубля с 65—70 руб./долл. в начале года до 50—53 руб./долл. в апреле; кроме того, последовавшее ускорение инфляции вызвало дополнительное укрепление реального курса рубля.

Одновременно с падением цен на нефть произошло сокращение доходов федерального бюджета в результате снижения поступлений от экспортной пошлины и НДС при падении цены на нефть (в том числе сокращение в рублевом выражении — в результате специфической формулы расчета НДС и экспортной пошлины) примерно на 750 млрд руб., или на 1,15% ВВП. Такое сокращение потока нефтегазовых рентных доходов приводит к уменьшению ресурсов для инвестирования в физический и человеческий капитал, в инфраструктуру, что вызывает соответствующее сокращение фундаментальных факторов экономического роста (уменьшение структурной составляющей роста) в средне- и долгосрочной перспективе.

В кейнсианской модели совокупного спроса и совокупного предложения²² динамика выпуска в краткосрочной перспективе определяется в большей степени не возможностями предложения, а изменениями в агрегированном спросе, внутреннем и внешнем. Поэтому при снижении располагаемого дохода российских экономических агентов (частного и государственного сектора) снижается спрос как на отечественные, так и на иностранные потребительские и производственные товары (в простой модели не различаются потребительские товары и товары инвестиционного назначения), что приводит к краткосрочному падению темпов роста ВВП. На выпуск в физическом выражении помимо сокращения внутреннего спроса через мультипликатор автономных внутренних расходов оказывает влияние изменение объемов экспорта вследствие девальвации рубля (см. ниже) через мультипликатор чистого экспорта (рост выпуска секторов, ориентированных на экспорт, вызывает мультипликативный эффект для остальных секторов экономики). Если одновременно проводится политика денежной экспансии или сжатия (в случае квазификсированного курса изменение сальдо платежного баланса приводит к изменению денежного предложения), она также оказывает существенное влияние на колебания выпуска.

Анализируя скорость реакции экономики на происходящие изменения, важно принимать во внимание, что снижение располагаемых доходов может быть воспринято или как временное, или как перманентное явление в зависимости от продолжительности шока. В краткосрочном периоде экономические агенты могут считать, что изменение условий торговли является временным явлением, не затрагивающим уровень дохода в долгосрочной перспективе. В этом случае их реакция будет состоять в краткосрочном сокращении сбережений при отсутствии сокращения потребления. Другими словами, долгосрочные темпы роста ВВП могут не измениться, но уровень ВВП снизится. Это означает, что в краткосрочной перспективе темпы роста будут меняться при переходе к новому уровню ВВП. По прошествии времени, если экономические агенты понимают, что изменение условий торговли — явление перманентное, то общество в целом становится беднее (в терминах покупательной способности). Более бедное общество при условии отсутствия изменений в уровне неравенства больше тратит на потребление и меньше сберегает. Снижение сбережений по сравнению с предшествующим равновесием приводит к превышению выбытия капитала над инвестициями и к уменьшению равновесного запаса капитала. Соответственно, происходит падение ВВП до более низкого уровня, чем при временном шоке условий торговли.

Следует отметить, что при рассматриваемых предпосылках не делается различий между реальным и номинальным сокращением распо-

²² Предполагается номинальная жесткость цен и заработных плат, возможность существования в экономике неиспользуемых факторов производства.

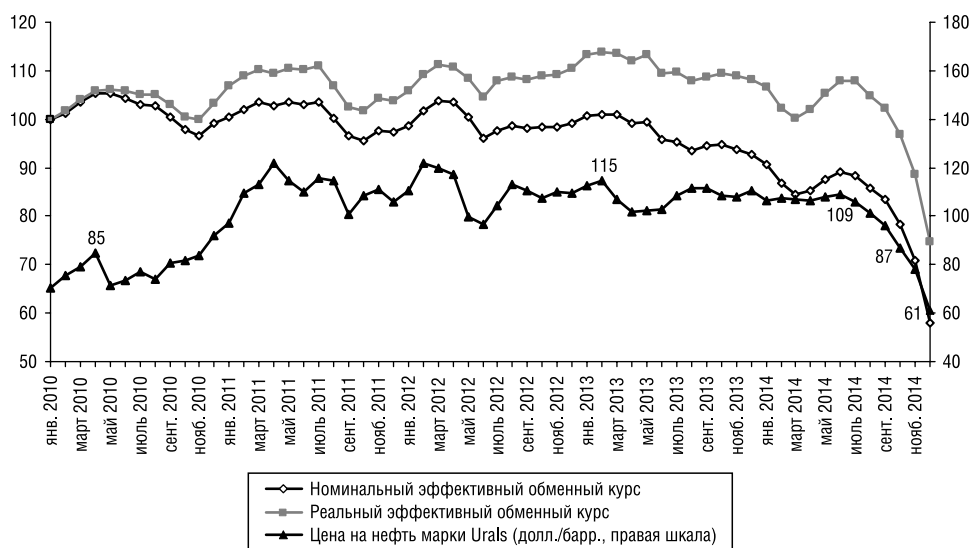
лагаемых доходов в экономике, поскольку цены являются жесткими. В реальности такая предпосылка справедлива только в краткосрочной перспективе. Именно этот факт в существенной степени обуславливает описанные выше расхождения в механизмах влияния изменений условий торговли на показатели реального ВВП и реального ВВД в силу того, что именно изменение относительных цен в первую очередь вызывает изменения ВВД, которые соответствуют изменениям потребления и сбережений экономических агентов. Как отмечено выше, экономический рост при улучшении условий торговли в 2000-х годах вследствие роста цен на энергоносители ускорился из-за увеличения реального располагаемого дохода. Кроме того, рост цен на энергоносители приводил к увеличению потока валюты в страну. Банк России при квазификсированном курсе монетизировал сальдо торгового баланса, вызывая денежную экспансию. В результате происходили краткосрочное стимулирование экономического роста и рост валовых внутренних доходов: в этот период темп роста ВВД опережал темп роста ВВП практически в два раза.

В современных условиях при плавающем курсе Банк России не проводит интервенций на рынке для долгосрочной поддержки курса рубля, покупая рубли и продавая иностранную валюту, поэтому краткосрочный кейнсианский эффект негативного влияния денежного сжатия на экономический рост отсутствует.

Влияние девальвации рубля на макроэкономическую ситуацию

В результате существенного изменения цен на нефть и ряд других экспортных российских товаров (природный газ, отдельные виды продукции металлургической промышленности), введения санкций в финансовой сфере и роста рисков ведения экономической деятельности в России произошло разбалансирование торгового и капитального счетов платежного баланса. В IV квартале 2014 года сальдо торгового баланса изменилось незначительно по сравнению с IV кварталом 2013 года вследствие того, что и импорт и экспорт упали почти на 20% (о механизмах падения — далее), при этом отрицательное сальдо операций с капиталом, составившее в IV квартале 2013 года 0,1 млрд долл., достигло 31,8 млрд долл. Эти изменения, несмотря на увеличение ключевой процентной ставки, привели к существенному ослаблению рубля (рис. 2).

В рыночной экономике ослабление курса национальной валюты является основным инструментом нахождения нового внутреннего и внешнего равновесия. Девальвация оказывает непосредственное влияние на стимулы к наращиванию или к сокращению выпуска в результате выполнения закона единой цены для торгуемых товаров и переноса обменного курса в цены для неторгуемых и приводит к изменениям структуры импорта и экспорта.

Источник: составлено авторами по данным Банка России, nefttrans.ru.

Рис. 2. Динамика цены на нефть марки *Urals*, номинального и реального эффективных обменных курсов рубля, 2010–2014 годы (в % к базовому периоду, январь 2010 = 100%)

В первую очередь в результате ослабления национальной валюты происходит восстановление внешнеэкономического равновесия. После изменений условий торговли и до корректировки обменного курса стоимостной объем импорта начинает существенно превышать стоимостной объем экспорта. Балансировка торгового сальдо происходит за счет удорожания импорта (в рублевом выражении), сокращения его физического и стоимостного объемов и роста эффективности экспорта — повышения его конкурентоспособности и роста объемов. Ослабление валюты в определенной пропорции компенсирует (в рублевом выражении) падение валютной выручки от экспорта тех товаров, цены на которые на мировом рынке упали. Текущий счет дополнительно балансируется посредством уменьшения объема оплаты труда иностранных работников (если величина вознаграждения номинирована в рублях) и, в дальнейшем, снижения объема применения иностранных факторов производства вследствие удорожания оплаты их услуг в рублевом выражении и получения больших доходов от использования отечественных факторов производства за рубежом. В соответствии с опубликованной Банком России предварительной оценкой платежного баланса за январь—март 2015 года положительное сальдо счета текущих операций составило 23,5 млрд долл., несущественно сократившись по сравнению с I кварталом 2014 года (25,9 млрд долл.). Небольшое сокращение сальдо в I квартале 2015 года объясняется опережающим сокращением экспорта товаров и услуг (на 39,8 млрд долл. по сравнению с аналогичным периодом 2014 года) относительно снижения объема импорта товаров и услуг (на 31,3 млрд долл. по сравнению с аналогичным периодом 2014 года [Божечкова и др., 2015]).

Капитальный счет также уравнивается, поскольку зарубежные активы после ослабления отечественной валюты становятся для национальной экономики дороже, а отечественные для иностранцев дешевле. Это улучшает капитальный счет платежного баланса, однако в условиях нарастающей финансовой изоляции России ожидать большого притока иностранных инвестиций в ближайшей перспективе трудно. В I квартале 2015 года существенно снизился отток капитала, чистый вывоз которого частным сектором составил 32,6 млрд долл., что ниже соответствующего значения I квартала 2014 года на 31,7%, а IV квартала 2014 года — на 58% [Божечкова и др., 2015].

Конкретную численную оценку величины корректировки курса национальной валюты для нахождения нового состояния равновесия дать достаточно сложно, поскольку результат зависит от структуры торгового и капитального баланса, от ожиданий, от степени зависимости экономики, от ценовой эластичности экспорта и импорта (как по промежуточным товарам, так и по товарам конечного пользования) и от многих других факторов. Но, по-видимому, майские значения 48—52 руб./долл. являются близкими к равновесным при сегодняшнем уровне политических рисков и ценах на нефть около 60 долл./барр. Эта величина соответствует значениям реального эффективного обменного курса конца 2006 — начала 2007 года. Важным фактором улучшения ожиданий и сокращения девальвационных настроений явилось восстановление более плавной динамики номинального валютного курса, волатильность которого в I квартале 2015 года сократилась более чем в 2 раза по сравнению с IV кварталом 2014 года²³.

Важнейшие результаты ослабления национальной валюты — движение в сторону восстановления внутреннего экономического равновесия (увеличение конкурентоспособности отечественной продукции приводит к росту спроса на нее, что при наличии незадействованных производственных мощностей стимулирует рост фактического выпуска и его приближение к потенциальному уровню) и возвращение экономики на траекторию роста после спада, вызванного ухудшением условий торговли. В простой модели, предполагающей выполнение закона единой цены (все товары являются торгуемыми, недифференцированными, транспортные и другие издержки торговли отсутствуют)²⁴, внутренние цены мгновенно растут вслед за девальвацией. В реальной экономике наблюдается краткосрочный и долгосрочный эффект

²³ Рассчитано авторами на основании дневных данных официального устанавливаемого Банком России курса доллара к рублю.

²⁴ Закон единой цены предполагает, что внутренние цены на российские товары, поставляемые на экспорт, должны достаточно хорошо объясняться мировыми ценами за вычетом транспортных и внешнеторговых издержек, цены на иностранные импортируемые товары — мировыми ценами в сумме с транспортными и внешнеторговыми издержками. В реальной экономике закон единой цены может не выполняться — как правило, это связано с разным уровнем конкуренции на различных рынках, разной наценкой торговых посредников, дискриминацией производителем различных потребителей [Goldberg, Knetter, 1997; Идрисов, 2015].

переноса курса в цены²⁵. За счет возникающего инфляционного обесценения издержек на рабочую силу (вследствие сравнительной жесткости трудовых контрактов), снижения относительной стоимости использования неторгуемых факторов производства (земля, климатические условия, недвижимость), инфраструктуры, неторгуемых товаров и услуг²⁶ растет эффективность экономики. Механизм этого роста заключается в следующем: во-первых, повышается конкурентоспособность национальной продукции по сравнению с зарубежными экономиками, происходит рост экспорта и импортозамещение, во-вторых, растет эффективность (рентабельность²⁷) производства за счет перераспределения доходов от работников в пользу предпринимателей, которые, в свою очередь, наращивают объем производства (ВВП) за счет реализации новых инвестиционных проектов, финансируемых из прибыли. Впоследствии разноскоростной рост цен на продукцию, зарплат, рентных платежей, увеличивающий доходы владельцев неторгуемых факторов производства в средне- и долгосрочной перспективе, снижает эту конкурентоспособность, однако сложившееся новое соотношение относительных цен может существенно отличаться от предыдущего, что наряду с изменением физических объемов выпуска (ВВП) предопределяет динамику реального ВВП.

В краткосрочном периоде (в 2015 году) сокращение располагаемых доходов в России, то есть реального ВВП, из-за произошедшего ухудшения условий торговли, вероятнее всего, не будет компенсировано ростом экспорта и импортозамещением, но в долгосрочной перспективе девальвация создает условия для выхода экономики на траекторию развития (роста ВВП), компенсирующую падение располагаемых доходов от торговли. Важной экономико-политической задачей выхода на такую траекторию является снижение инфляционных ожиданий, вызванных девальвацией и существенным образом влияющих на процентные ставки и предложение сбережений, трансформирующихся во внутренние инвестиции.

Два описанных важнейших механизма влияния восстановления внешнего и внутреннего равновесия на реальные темпы роста ВВП

²⁵ По оценкам РАНХиГС, в среднем для периода 2000—2014 годов краткосрочный (за 1 месяц) эффект переноса колебаний обменного курса в цены в России составляет 3—5% для потребительских цен, 5—11% — для цен производителей. В среднесрочном периоде (12 месяцев) эффект переноса достигает 13—14% для потребительских цен и 30—47% для цен производителей [Идрисов и др., 2015b; Трунин, 2015].

²⁶ Следует отметить, что снижение цен неторгуемых товаров и услуг — достаточно длительный по времени процесс. В первую очередь вследствие эффекта переноса динамики обменного курса ослабление национальной валюты приводит к росту цен на импортируемые конечные потребительские товары и на промежуточные товары, используемые для производства, что в итоге будет приводить к росту цен на отечественные неторгуемые товары в результате роста издержек по их производству. Рост цен торгуемых и неторгуемых товаров приводит также к падению располагаемых доходов населения и, как следствие, к снижению спроса, в том числе на неторгуемые товары, с последующим снижением реальных цен.

²⁷ Важно отметить, что национальные производители получают возможность снизить относительную цену на свою продукцию по сравнению с импортной, что может привести к увеличению объема продаж при возможном сохранении рентабельности на прежнем уровне.

и ВВД, то есть на развитие экономики, действуют параллельно с менее масштабными процессами. В частности, ухудшение условий торговли энергосырьевыми товарами приводит к оттоку факторов производства (труда и капитала) в несырьевые торгуемые и неторгуемые сектора российской экономики. Наряду с ослаблением симптомов «ресурсного проклятия» (включая оптимизацию объемов и структуры бюджетных расходов, совершенствование бюджетных институтов, снижение доли государственного участия в экономике) и ростом эффективности и объемов вовлечения в производство труда и капитала эти процессы могут привести к повышению долгосрочных темпов роста экономики. Однако ухудшение условий торговли увеличивает риски макроэкономической и социальной дестабилизации, риски ведения экономической деятельности и повышает неопределенность развития отечественной экономики в целом. В результате возникает негативная динамика на финансовом рынке — растут процентные ставки, снижается стоимость акций российских компаний, что наряду с введением финансовых и секторальных технологических санкций может привести не только к краткосрочному, но и к долгосрочному падению темпов роста ВВП и ВВД.

5. Перспективы российской экономики

В настоящее время в условиях макроэкономической нестабильности и интенсивного протекания процессов, описанных выше, в органах государственной власти и экспертном сообществе нет единого мнения относительно оценки не только среднесрочных перспектив развития российской экономики, но и текущего экономического положения. Ситуация IV квартала 2014 — I квартала 2015 года показывает, что промышленное производство не демонстрирует существенного падения, при этом спрос на подорожавший импорт или товары, попавшие под продовольственные санкции, в первую очередь переключается на другие страны, а не на внутреннего производителя, неожиданно крепкий платежный баланс приводит к укреплению рубля и снижению зависимости его динамики от биржевой цены нефти, внутренние цены постепенно стабилизируются, но по некоторым товарным группам обладают существенным потенциалом роста по закону единой цены²⁸.

Основной причиной отсутствия существенного падения выпуска в реальном секторе в конце 2014 года послужили разные внешние макроэкономические условия и разные ожидания в обрабатывающем и добывающем секторах. Для производства российской добывающей промышленности основными определяющими факторами являются

²⁸ См.: Оперативный мониторинг экономической ситуации в России: Тенденции и вызовы социально-экономического развития / Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Всероссийская академия внешней торговли, [разные годы].

фактические рублевые экспортные цены на нефть. Последние, в том числе в условиях плавающего обменного курса, начали снижаться с трехмесячным лагом по отношению к биржевым долларovým ценам. В результате нефтедобыча испытала существенное снижение рентабельности только к самому концу 2014 года.

Объемы производства в обрабатывающей промышленности в большей степени зависят от целого ряда показателей, зачастую не связанных между собой, что приводит к различной динамике в основных отраслях. Важнейшим из этих показателей является обменный курс, поскольку он влияет на цены конечных и промежуточных торгуемых товаров через закон единой цены, другим — величина внутреннего и внешнего спроса. Важно отметить, что в условиях 2014—2015 годов динамика спроса существенно отличалась на внешнем и внутреннем рынках — спрос на экспортные товары российского производства фактически не изменился, в то время как величина внутреннего спроса сократилась за счет негативных ожиданий относительно перспектив развития российской экономики.

В результате выпуск в добывающем секторе российской промышленности (35% по объему добавленной стоимости от всей промышленности), по-видимому, начал снижаться только с декабря 2014 года; в тех отраслях обрабатывающего сектора (35% от всей промышленности), которые испытали краткосрочное оживление и рост производства (за счет благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, возможности замещения импорта с Украины, повышения конкурентоспособности на внешних рынках в результате ослабления валюты), — выпуск начинает снижаться с февраля-марта 2015 года; в тех отраслях обрабатывающего сектора (17% от всей промышленности), которые сразу испытали негативный шок (за счет общего снижения спроса, высокой зависимости от растущего в цене или недоступного иностранного сырья и оборудования, сужения возможностей кредитования и финансирования инвестиционных программ), — выпуск начинает снижаться с августа 2014 года; в производстве электроэнергии, газа и воды (13% от всей промышленности) — снижения выпуска практически не наблюдается [Идрисов и др., 2015a]. Сказанное означает, что нижняя точка падения реального выпуска, вероятно, еще не достигнута, но в настоящий момент этого нельзя сказать наверняка, учитывая возможную недооценку адаптационного потенциала российской экономики.

В этой ситуации, по-своему интерпретируя текущую динамику, сразу несколько авторитетных источников, из которых можно выделить прогнозы Минэкономразвития РФ²⁹, Банка России³⁰, кон-

²⁹ Согласно прогнозу Минэкономразвития РФ средний уровень цен на нефть в 2015—2016 годах составит 50—60 долл./барр. (<http://www.gazeta.ru/business/2015/04/01/6621993.shtml>; <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/20150216>).

³⁰ См.: [Банк России, 2014b].

сенсус-прогноз Центра развития НИУ ВШЭ³¹, Всемирного банка³², Международного валютного фонда³³, ИЭП им. Е. Т. Гайдара³⁴, предлагают свое видение социально-экономического развития России на 2015 год (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Макроэкономические прогнозы развития России на 2015 год

	Всемирный банк, базовый сценарий (01.04.2015)	МВФ (14.04.2015)	Минэконом-развития РФ (16.02.2015)	Банк России, «стрессовый» сценарий (01.12.2014)	ИЭП им. Е. Т. Гайдара (05.03.2015)	Консультационный прогноз Центра развития НИУ ВШЭ (16.02.2015)
Реальный ВВП (%)	−3,8	−3,8	−3,0	−3,5...−4,0	−5...−6	−4
Инфляция (%)	16,5	17,9	12,2	7,5—8,0	15—17	12,7
Курс руб./долл. на конец года	—	—	—	—	60	63,7
Цена нефти <i>Urals</i> (долл./барр., в среднем за год)	53	50—60	50—60	60	60	57

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного банка, МВФ, МЭР РФ, Банка России, ИЭП им. Е. Т. Гайдара, Центра развития НИУ ВШЭ (в скобках под названием организации указана дата публикации прогноза).

В целом, несмотря на ожидаемые негативные тенденции в российской экономике, представленные прогнозы достаточно умеренны — в 2015 году при среднегодовом уровне цен на нефть в 50—60 долл./барр. ожидается реальное падение ВВП на 3—4%. При этом большая часть рассмотренных прогнозов (Всемирного банка, МВФ, ИЭП им. Е. Т. Гайдара и отчасти Минэкономразвития РФ) пессимистичны в плане инфляции и предполагают ее увеличение до 12—18%, что существенно выше уровня последних нескольких лет.

При высокой ожидаемой инфляции (15—17%), по нашим расчетам, не потребовалось бы проведенного в апреле 2014 года равномерно-го 10-процентного номинального сокращения расходов бюджета³⁵.

³¹ Прогноз построен на основе опроса следующих организаций: Альфа-Банк, The Boston Consulting Group, BCS, Capital Economics, Центр макроэкономических исследований Сбербанка РФ, ЦМАКП, Центр развития НИУ ВШЭ, The Conference Board, Economist Intelligence Unit, Евразийская экономическая комиссия, HSBC Bank (RR), ING Bank, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Институт экономики РАН, Институт экономической политики им. Гайдара, JPMorgan, КАМАЗ, ЛУКОЙЛ, МТС-банк, Otкрытие Capital, Raiffeisen Bank, Ренессанс Капитал, Всероссийский банк развития регионов, Sberbank CIB, UBS, УРАЛСИБ, Vienna Institute for International Economic Studies (WIIW). <http://dcenter.hse.ru/prog2/>.

³² См.: [Всемирный банк, 2015].

³³ IMF Survey. Uneven Global Recovery, Complex Underlying Currents. <http://www.imf.org/external/pubs/ft/survey/so/2015/NEW041415A.htm>.

³⁴ См., например: [Дробышевский, 2015].

³⁵ Федеральный закон от 20.04.2015 № 93-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон от 01.12.2014 № 384-ФЗ „О Федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов“».

При высокой инфляции нулевой баланс бюджета может быть достигнут и без номинального сокращения расходов. Однако для выхода на траекторию роста следовало бы изменить их структуру в пользу производительных расходов, с сокращением непроизводительных. В реальности произошло ровно обратное — структура бюджета в результате секвестра еще больше ухудшилась — при сокращении расходов (на 1,9% в целом) произошло перераспределение к непроизводительным расходам (сокращение расходов на общегосударственные вопросы составило 3%, на оборону — 4,8%, на правоохранительную деятельность — 3,7%) за счет более сильного сокращения расходов производительных (сокращение расходов на инфраструктуру — 12%, на здравоохранение — 8,3%, на транспорт — 16,2%) [Идрисов, Синельников-Мурылев, 2013; Дерюгин и др., 2015].

В сценарии Банка России предполагается, что его усилия по сдерживанию инфляции и спекулятивных настроений на валютном рынке приведут к резкому сокращению инфляции. В этом случае ее уровень по итогам 2015 года может составить до 7,5–8%. По нашим расчетам, при таком сценарии секвестр расходов действительно необходим: номинальный рост доходов в течение года не сбалансирует бюджет.

Наиболее оптимистичный прогноз по ВВП Минэкономразвития предполагает, что созданные существенным ослаблением рубля конкурентные преимущества будут активно стимулировать экспорт и импортозамещение при реализации структурных реформ, заложенных в «План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности».

Представленный план по аналогии с действиями, предпринятыми в 2008–2009 годах, предлагает в качестве одного из мероприятий компенсацию экономическим агентам падения реальных доходов, вызванного изменением условий торговли (Минфину России поручено определить объемы бюджетных ассигнований). В первую очередь это касается предприятий ОПК и предприятий, признанных системообразующими³⁶. При этом, с одной стороны, подобно тому, как это происходило в 2008–2009 годах, государство намеревается компенсировать экономическим агентам падение реальных доходов, а с другой — преодоление кризисных явлений видится главным образом в наращивании физических объемов выпуска для компенсации падения цены продукции, а не в диверсификации выпуска и экспорта для снижения степени влияния изменчивости условий торговли на российскую экономику. По нашему мнению, такой подход требует серьезного переосмысления. Структурные изменения в реальном секторе, при которых на некотором временном интервале могут наблюдаться падение физических объемов выпуска (падение реального

³⁶ Перечень системообразующих предприятий утвержден 8 февраля 2015 года на заседании Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции. <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSectorEconomy/2015020801>.

ВВП или индекса промышленного производства) и рост реального дохода (рост реального ВВД), окажут оздоравливающее влияние на российскую экономику и повысят ее конкурентоспособность в долгосрочной перспективе. Нет ничего предосудительного в том, чтобы производить меньше товаров «в штуках», но больше по стоимости. Однако для этого необходимо провести ряд структурных реформ, включающих бюджетный маневр, реформу бюджетных институтов, реформу рынков труда и капитала, повышение производительности экономики, радикальное сокращение производства отрицательной добавленной стоимости [Идрисов, Синельников-Мурyleв, 2014].

Для обеспечения устойчивого развития экономики и социальной стабильности стремление к наращиванию выпуска в физическом выражении (в том числе выпуска нефтегазового сектора) должно уступить место стремлению к диверсификации производства, которая позволила бы снизить изменчивость условий торговли для российской экономики. Проводимый в настоящий момент налоговый маневр в нефтяной отрасли по снижению экспортной пошлины и повышению НДС — хороший пример, в результате которого будет не только достигнуто снижение объемов производства и экспорта темных нефтепродуктов, но и произойдет повышение глубины переработки и развитие таких обрабатывающих производств, продукция которых обладает существенно большей добавленной стоимостью. В физическом выражении российский экспорт нефтепродуктов, по-видимому, упадет, но существенно изменится и оздоровится его структура. Другой пример — отказ Банка России с ноября 2014 года от применения регулярных интервенций на валютном рынке для поддержания валютного курса, в долгосрочной перспективе направленный на формирование большей независимости валютного курса от цены на нефть.

В масштабах всей отечественной экономики сказанное означает, что в периоды нестабильности в реальном и финансовом секторах в структуре правительственных мер необходима не только компенсация экономическим агентам потерь от изменения условий торговли, но и структурное оздоровление экономики, диверсификация выпуска, развитие и повышение устойчивости работы финансовых рынков. В этом смысле «окно возможностей» в 2008—2009 годах было упущено. Российская экономика прошла мировой финансово-экономический кризис практически без структурных изменений за счет расходования средств Резервного фонда, что отчасти стало предпосылкой ситуации 2014—2015 годов.

Другими словами, складывающаяся в 2015 году ситуация в каком-то смысле дает нам второй шанс — с одной стороны, для более решительных, а с другой — для более широких действий Правительства РФ, направленных на реализацию структурных экономических реформ, не прекращающихся, как в 2008—2009 годах, при «развороте» в положительном направлении условий торговли и динамики реального выпуска в экономике.

Литература

1. *Банк России*. Доклад о денежно-кредитной политике. М., 2014а. Декабрь.
2. *Банк России*. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2015 год и период 2016 и 2017 годов. М., 2014б.
3. *Бернстайн У. Дж.* Великолепный обмен: история мировой торговли. М.: АСТ, 2014.
4. *Божечкова А., Кнобель А., Трунин П.* Платежный баланс толкает рубль вверх // Оперативный мониторинг экономической ситуации в России: Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2015. № 7. С. 6—9.
5. *Всемирный банк*. Доклад об экономике России № 33: Начало новой экономической эры? Вашингтон, 2015.
6. *Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006.
7. *Дерюгин А., Дробышевский С., Трунин П., Мамедов А., Зацепин В.* Антикризисный бюджет: правительство поддержит потребление, оборону и госаппарат // Оперативный мониторинг экономической ситуации в России: Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2015. № 5. С. 7—11.
8. *Дробышевский С., Казакова М., Синельников-Мурылев С.* Декомпозиция темпов роста ВВП России в 1999—2014 годах // Экономическая политика. 2014. № 5. С. 7—37.
9. *Дробышевский С., Петренко В., Турунцева М., Хромов М.* Прогнозы социально-экономического развития на 2015 г.: МЭР ожидает «-3», ИЭП — «-7» // Оперативный мониторинг экономической ситуации в России: Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2015. № 3. С. 5—7.
10. *Дробышевский С. М., Казакова М. В.* Декомпозиция темпов роста ВВП России в 1999—2015 гг. // Экономическое развитие России, 2015. № 1. С. 45—46.
11. *Идрисов Г. И.* Выигравшие и проигравшие: последствия изменения условий торговли для российской промышленности // Экономическое развитие России. 2015. № 4. С. 26—29.
12. *Идрисов Г., Каукин А., Моргунова О., Турунцева М.* Промышленность: тренды выглядят хуже данных // Оперативный мониторинг экономической ситуации в России: Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2015а. № 7. С. 21—24.
13. *Идрисов Г., Каукин А., Пономарев Ю.* Эффект переноса: рост цен в промышленности продолжится // Оперативный мониторинг экономической ситуации в России: Тенденции и вызовы социально-экономического развития, 2015б. № 4. С. 12—14.
14. *Идрисов Г., Синельников-Мурылев С.* Бюджетная политика и экономический рост // Вопросы экономики. 2013. № 8. С. 35—59.
15. *Идрисов Г., Синельников-Мурылев С.* Формирование предпосылок долгосрочного роста: как их понимать? // Вопросы экономики. 2014. № 3. С. 4—20.
16. *Идрисова В., Кадочников П., Флегонтова Т.* Международный опыт применения торгово-экономических санкций // Экономическая политика. 2015. [в печати].
17. *Казакова М.* Разложение темпов роста ВВП: структурные темпы роста продолжали замедляться // Оперативный мониторинг экономической ситуации в России: Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2015. № 2. С. 20—21.
18. *Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени*. Т. 1: 1700—1870. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013а.
19. *Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени*. Т. 2: 1870 — наши дни. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013б.
20. *Синельников С.* Бюджетный кризис в России: 1985—1995 годы. М.: Евразия, 1995.
21. *Трунин П.* Денежно-кредитная политика и инфляция // Оперативный мониторинг экономической ситуации в России: Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2015. № 1. С. 5—10.
22. *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A.* The colonial origins of comparative development: An empirical investigation // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91. No 5. P. 1369—1401.
23. *Ahuja M. A., Chalk M. N. A., Porter M. N., N'Diaye M. P., Nabar M. M.* An end to China's imbalances? IMF Working Paper. 2012. No 12/100.

24. Arrow K. J., Dasgupta P., Goulder L. H., Mumford K. J., Oleson K. Sustainability and the measurement of wealth. NBER Working Paper. 2010. No 16599.
25. Atkin T., Caputo M., Robinson T., Wang H. Macroeconomic consequences of terms of trade episodes, past and present // RBA Research Discussion Paper. 2014. No 2014-01. Reserve Bank of Australia.
26. Baer W. The Brazilian economy: Growth and development. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2014.
27. Baldwin J. R., Macdonald R. Natural resources, the terms of trade, and real income growth in Canada: 1870 to 2010 // Economic Analysis (EA) Research Paper. 2012. No 79. Statistics Canada.
28. Barro R. J. Economic growth in a cross section of countries // Quarterly Journal of Economics. 1991. Vol. 106. No 2. P. 407—443.
29. Barro R. J., Sala-i-Martin X. Economic growth. N.Y.: McGraw-Hill, 1995.
30. Bartelsman E. J., Beaulieu J. J. A Consistent accounting of U.S. productivity growth // Hard-to-Measure Goods and Services: Essays in Honor of Zvi Griliches, Vol. 67 / E. R. Berndt, C. R. Hulten (eds.). Chicago: University of Chicago Press, 2009. P. 449—482.
31. Basu P., McLeod D. Terms of trade fluctuations and economic growth in developing economies // Journal of Development Economics. 1991. Vol. 37. No 1. P. 89—110.
32. Beck T., Levine R. Stock market, banks, and growth: Panel evidence // Journal of Banking and Finance. 2004. Vol. 28. No 3. P. 423—442.
33. Bernard A. B., Jensen J. B., Redding S. J., Schott P. K. Firms in international trade // Journal of Economic Perspectives. 2007. P. 105—130.
34. Bernstein W. J. A splendid exchange: How trade shaped the world. N.Y.: Grove Press, 2009.
35. Bleaney M., Greenaway D. The impact of terms of trade and real exchange rate volatility on investment and growth in Sub-Saharan Africa // Journal of Development Economics. 2001. Vol. 65. No 2. P. 491—500.
36. Bloom D. E., Canning D., Sevilla J. Geography and poverty traps // Journal of Economic Growth. 2003. Vol. 8. No 4. P. 355—378.
37. Feenstra R. C. et al. Effects of terms of trade gains and tariff changes on the measurement of U.S. productivity growth // American Economic Journal: Economic Policy. 2013. Vol. 5. No 1. P. 59—93.
38. Fischer S. The role of macroeconomic factors in growth // Journal of Monetary Economics. 1993. Vol. 32. No 3. P. 485—512.
39. Knetter M. M. Goods prices and exchange rates: What have we learned? // Journal of Economic Literature. 1997. Vol. 35. No 3. P. 1243—1272.
40. Harrison A. Openness and growth: A time-series, cross-country analysis for developing countries // Journal of Development Economics. 1996. Vol. 48. No. 2. P. 419—447.
41. Helpman E. The mystery of economic growth. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.
42. Jawaid S. T., Waheed A. Effects of terms of trade and its volatility on economic growth: a cross country empirical investigation // Transition Studies Review. 2011. Vol. 18. No 2. P. 217—229.
43. Kohli U. Real GDP, real domestic income, and terms-of-trade changes // Journal of International Economics. 2004. Vol. 62. No 1. P. 83—106.
44. Kohli U. Real GDP, real GDI, and trading gains: Canada, 1981—2005 // International Productivity Monitor. 2006. Vol. 13. P. 47.
45. Krueger A. B., Lindahl M. Education for growth: Why and for whom? // Journal of Economic Literature. 2001. Vol. 39. No 4. P. 1101—1136.
46. Markusen J. R. Factor movements and commodity trade as complements // Journal of international economics. 1983. Vol. 14. No 3. P. 341—356.
47. Mauro P. Corruption and growth // Quarterly Journal of Economics. 1995. Vol. 110. No 3. P. 681—712.
48. Mendoza E. G. Terms-of-trade uncertainty and economic growth // Journal of Development Economics. 1997. Vol. 54. No 2. P. 323—356.

49. *Mundell R. A.* International trade and factor mobility // *American Economic Review*. 1957. Vol. 47. P. 321—335.
50. *Murphy K., Shleifer A., Vishny R.* The allocation of talent: Implications for growth // *Quarterly Journal of Economics*. 1991. Vol. 106. No 2. P. 503—530.
51. *Nalewaik J. J.* Estimating probabilities of recession in real time using GDP and GDI // *Journal of Money, Credit and Banking*. 2012. Vol. 44. No 1. P. 235—253.
52. *Obstfeld M., Rogoff K. S., Wren-Lewis S.* Foundations of international macroeconomics. Cambridge, MA: MIT press. 1996.
53. *Rodrik D.* Growth Strategies // *Handbook of economic growth* / P. Aghion, S. N. Durlauf (eds.). Amsterdam: Elsevier, 2006. P. 967—1014.
54. *Roubini N., Sala-i-Martin X.* Financial repression and economic growth // *Journal of Development Economics*. 1992. Vol. 39. No 1. P. 5—30.
55. *Sala-i-Martin X.* I just ran 2 million regressions // *American Economic Review*. 1997. Vol. 87. No 2. P. 178—183.
56. *Taylor M. P.* Purchasing power parity // *Review of International Economics*. 2003. Vol. 11. No 3. P. 436—452.
57. *Temple J., Johnson P. A.* Social capability and economic growth // *Quarterly Journal of Economics*. 1998. Vol. 113. No 3. P. 965—990.
58. World Bank. Is fiscal policy the answer? A developing country perspective. Washington, DC, 2013.
59. Kong Q., Sun X. Reasons of the decrease of China's terms of trade and related measures // *Journal of International Trade*. 2007. No 10.

Ekonomicheskaya Politika, 2015, vol. 10, no. 3, pp. 7–37

Georgy IDRISOV¹, Cand. Sci. (Econ.). E-mail: idrisov@iep.ru.

Yury PONOMAREV². E-mail: ponomarev@ranepa.ru.

Sergey SINELNIKOV-MURYLEV³, Dr. Sci. (Econ.), professor. E-mail: sinel@vavt.ru.

¹ Gaidar Institute for Economic Policy (3-5, Gazetny per., Moscow, 125009, Russian Federation).

² Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadskogo prosp., Moscow, 119571, Russian Federation).

³ Russian foreign trade Academy of the Ministry for the economic development of the Russian Federation (4a, Pudovkina ul., Moscow, 119285, Russian Federation).

Terms of Trade and Russian Economic Development

Abstract

The present paper is devoted to the discussion of economic development trends in Russia in late 2014 — early 2015 and to the review of the basic mechanisms of terms of trade changes impact on the economic development of both countries in a historical perspective and with a focus on changes occurred in late 2014 — early 2015 in Russian economy. Authors show that structural reforms to diversify production and export are necessary for sustainable economic development, social stability and reduction the degree of terms of trade variability impact on Russian economy. During the periods of instability government agenda for the real and financial sectors has to contain not only measures to compensate losses caused by the changes in terms of trade, but also measures to improve the economy structurally, develop and stabilize financial market.

Key words: economic development, terms of trade, gross domestic product, GDP, gross domestic income, GDI.

JEL: E60, O11, O40.

References

1. Bank of Russia. *Monetary policy report*. Moscow, 2014a, December.
2. Bank of Russia. *Guidelines for the single State monetary policy in 2015 and for 2016 and 2017*. Moscow, 2014b.
3. Bernstein W. J. *A splendid exchange: How trade shaped the world*. Moscow: AST, 2014.
4. Bojehkova A., Knobel A., Trunin P. The balance of payments is pushing up the ruble. *Real-time monitoring of the economic situation in Russia: Trends and challenges of social and economic development*, 2015, no. 7, pp. 6-9.
5. World Bank. *Russia Economic Report No. 33: The dawn of a new economic era?* Washington, DC, 2015.
6. Gaidar E. *Fall of the empire: Lessons for modern Russia*. Moscow: ROSSPEN, 2006.
7. Derygin A., Drobyshevsky S., Trunin P., Mamedov A., Zatsepin V. Anticrisis budget: Government will support consumption, the defense and the state apparatus. *Real-time monitoring of the economic situation in Russia: Trends and challenges of social and economic development*, 2015, no. 5, pp. 7-11.
8. Drobyshevsky S., Kazakova M., Sinelnikov-Murylev S. Decomposition of GDP growth rates in Russia during 1999-2014. *Ekonomicheskaya Politika*, 2014, no. 5, pp. 7-37.
9. Drobyshevsky S., Petrenko V., Turuntseva M., Khromov M. Socio-economic development forecasts for 2015: MED expects “-3”, IEP — “-7”. *Real-time monitoring of the economic situation in Russia: Trends and challenges of social and economic development*, 2015, no. 3, pp. 5-7.
10. Drobyshevsky S., Kazakova M. Decomposition of GDP growth rates in Russia during 1999-2015. *Ekonomicheskoe Razvitie Rossii*, 2015, no. 1, pp. 45-46.
11. Idrisov G. Winners and losers: the effects of changes in the terms of trade for the Russian industry. *Ekonomicheskoe Razvitie Rossii*, 2015, no. 4, pp. 26-29.
12. Idrisov G., Kaukin A., Morgunova O., Turuntseva M., Industry: Trends look worse than data. *Real-time monitoring of the economic situation in Russia: Trends and challenges of social and economic development*, 2015a, no. 7, pp. 21-24.
13. Idrisov G., Kaukin A., Ponomarev Y. Exchange rate pass-through: price increase in production will go on. *Real-time monitoring of the economic situation in Russia: Trends and challenges of social and economic development*, 2015b, no. 4, pp. 12-14.
14. Idrisov G., Sinelnikov-Murylev S. Fiscal policy and economic growth. *Voprosy Ekonomiki*, 2013, no. 8. pp. 35-59.
15. Idrisov G., Sinelnikov-Murylev S. Forming sources of long-run growth: How to understand them? *Voprosy Ekonomiki*, 2014, no. 3, pp. 4-20.
16. Idrisova V., Kadochnikov P., Flegontova T. The international experience of trade and economic sanctions. *Ekonomicheskaya Politika*, 2015 [in press].
17. Kazakova M. Decomposition of the GDP growth rate: the structural growth rate continued to slow down. *Real-time monitoring of the economic situation in Russia: Trends and challenges of social and economic development*, 2015, no. 2, pp. 20-21.
18. The Cambridge Economic History of Modern Europe. Vol. 1: 1700-1870. Moscow: IEP Publ., 2013a.
19. The Cambridge Economic History of Modern Europe. Vol. 2: 1870 to the Present. Moscow: IEP Publ., 2013b.
20. Sinelnikov S. The fiscal crisis in Russia: 1985-1995. Moscow: Evrasia, 1995.
21. Trunin P. Monetary policy and inflation. *Real-time monitoring of the economic situation in Russia: Trends and challenges of social and economic development*, 2015, no. 1, pp. 5-10.
22. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. The colonial origins of comparative development: An empirical investigation. *American Economic Review*, 2001, vol. 91, no. 5, pp. 1369-1401.
23. Ahuja M. A., Chalk M. N. A., Porter M. N., N'Diaye M. P., Nabar M. M. An end to China's imbalances? *IMF Working Paper*, 2012, no. 12/100.
24. Arrow K. J., Dasgupta P., Goulder L. H., Mumford K. J., Oleson K. Sustainability and the measurement of wealth. *NBER Working Paper*, 2010, no. 16599.

25. Atkin T., Caputo M., Robinson T., Wang H. Macroeconomic consequences of terms of trade episodes, past and present. *RBA Research Discussion Paper*, 2014, no. 2014-01. Reserve Bank of Australia.
26. Baer W. *The Brazilian economy: Growth and development*. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2014.
27. Baldwin J. R., Macdonald R. Natural resources, the terms of trade, and real income growth in Canada: 1870 to 2010. *Economic Analysis (EA) Research Paper Series*, 2012, no. 79. Statistics Canada.
28. Barro R. J. Economic growth in a cross section of countries. *Quarterly Journal of Economics*, 1991, vol. 106, no. 2, pp. 407-443.
29. Barro R. J., Sala-i-Martin X. *Economic growth*. N.Y.: McGraw-Hill, 1995.
30. Bartelsman E. J., Beaulieu J. J. A Consistent accounting of U.S. productivity growth. In: E. R. Berndt, C. R. Hulten (eds.). *Hard-to-Measure Goods and Services: Essays in Honor of Zvi Griliches*, vol. 67. Chicago: University of Chicago Press, 2009, pp. 449-482.
31. Basu P., McLeod D. Terms of trade fluctuations and economic growth in developing economies. *Journal of Development Economics*, 1991, vol. 37, no. 1, pp. 89-110.
32. Beck T., Levine R. Stock market, banks, and growth: Panel evidence. *Journal of Banking and Finance*, 2004, vol. 28, no. 3, pp. 423-442.
33. Bernard A. B., Jensen J. B., Redding S. J., Schott P. K. Firms in international trade. *Journal of Economic Perspectives*, 2007, pp. 105-130.
34. Bernstein W. J. *A splendid exchange: How trade shaped the world*. N.Y.: Grove Press, 2009.
35. Bleaney M., Greenaway D. *The impact of terms of trade and real exchange rate volatility on investment and growth in Sub-Saharan Africa*. *Journal of Development Economics*, 2001, vol. 65, no. 2, pp. 491-500.
36. Bloom D. E., Canning D., Sevilla J. *Geography and poverty traps*. *Journal of Economic Growth*, 2003, vol. 8, no. 4, pp. 355-378.
37. Feenstra R. C. et al. *Effects of terms of trade gains and tariff changes on the measurement of U.S. productivity growth*. *American Economic Journal: Economic Policy*, 2013, vol. 5, no. 1, pp. 59-93.
38. Fischer S. *The role of macroeconomic factors in growth*. *Journal of Monetary Economics*, 1993, vol. 32, no. 3, pp. 485-512.
39. Knetter M. M. Goods prices and exchange rates: What have we learned? *Journal of Economic Literature*, 1997, vol. 35, no. 3, pp. 1243-1272.
40. Harrison A. Openness and growth: A time-series, cross-country analysis for developing countries. *Journal of Development Economics*, 1996, vol. 48, no. 2, pp. 419-447.
41. Helpman E. *The mystery of economic growth*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.
42. Jawaid S. T., Waheed A. Effects of terms of trade and its volatility on economic growth: a cross country empirical investigation. *Transition Studies Review*, 2011, vol. 18, no. 2, pp. 217-229.
43. Kohli U. Real GDP, real domestic income, and terms-of-trade changes. *Journal of International Economics*, 2004, vol. 62, no. 1, pp. 83-106.
44. Kohli U. Real GDP, real GDI, and trading gains: Canada, 1981-2005. *International Productivity Monitor*, 2006, vol. 13, pp. 47.
45. Krueger A. B., Lindahl M. Education for growth: Why and for whom? *Journal of Economic Literature*, 2001, vol. 39, no. 4, pp. 1101-1136.
46. Markusen J. R. Factor movements and commodity trade as complements. *Journal of international economics*, 1983, vol. 14, no. 3, pp. 341-356.
47. Mauro P. Corruption and growth. *Quarterly Journal of Economics*, 1995, vol. 110, no. 3, pp. 681-712.
48. Mendoza E. G. Terms-of-trade uncertainty and economic growth. *Journal of Development Economics*, 1997, vol. 54, no. 2, pp. 323-356.
49. Mundell R. A. International trade and factor mobility. *American Economic Review*, 1957, vol. 47, pp. 321-335.

50. Murphy K., Shleifer A., Vishny R. The allocation of talent: Implications for growth. *Quarterly Journal of Economics*, 1991, vol. 106, no. 2, pp. 503-530.
51. Nalewaik J. J. Estimating probabilities of recession in real time using GDP and GDI. *Journal of Money, Credit and Banking*, 2012, vol. 44, no. 1, pp. 235-253.
52. Obstfeld M., Rogoff K. S., Wren-Lewis S. *Foundations of international macroeconomics*. Cambridge, MA: MIT press, 1996.
53. Rodrik D. Growth Strategies. In: P. Aghion, S. N. Durlauf (eds.). *Handbook of economic growth*. Amsterdam: Elsevier, 2006, pp. 967-1014.
54. Roubini N., Sala-i-Martin X. Financial repression and economic growth. *Journal of Development Economics*, 1992, vol. 39, no. 1, pp. 5-30.
55. Sala-i-Martin X. I just ran 2 million regressions. *American Economic Review*, 1997, vol. 87, no. 2, pp. 178-183.
56. Taylor M. P. Purchasing power parity. *Review of International Economics*, 2003, vol. 11, no. 3, pp. 436-452.
57. Temple J., Johnson P. A. Social capability and economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, 1998, vol. 113, no. 3, pp. 965-990.
58. World Bank. *Is fiscal policy the answer? A developing country perspective*. Washington, DC, 2013.
59. Kong Q., Sun X. Reasons of the decrease of China's terms of trade and related measures. *Journal of International Trade*, 2007, no. 10.